Сергей Попов

Рецензия на книгу: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.

Российская социальная наука заражена вирусом просветительства. В советские годы легитимными практиками конструирования научных репутаций считались переводы и редактура — автор всеми силами стремился занять правильную позицию посредника между «прогрессивным отечественным читателем» и «буржуазной наукой». Двадцать пять лет назад «буржуазная наука» стала называться «передовой западной», но эта специфика российской социологии никуда не исчезла.

Родовая травма отечественной социологии (сформировавшейся в изоляции и в каком-то смысле продолжающей в этой изоляции находиться) состоит в том, что перевод социологических текстов, их интерпретация и включение в оборот до сих пор рассматриваются как высшие добродетели. Если в случае с классическими работами это хотя бы отчасти оправдано, то досрочная канонизация современных теоретиков выглядит, по меньшей мере, странно. Сами эти теоретики порою не считают себя теоретиками. Даже претендуя на то, чтобы войти со временем в канон социологической теории, они не всегда последовательны в своем теоретизировании. Начиная как теоретики одного, они заканчивают как теоретики другого, без конца меняя свои предпочтения, школы, направления и родословные. Для интерпретатора же хороший социолог — мертвый социолог. Поэтому российским интерпретаторам приходится прикладывать немало усилий для того, чтобы рецепция наследия еще живых (и даже не очень старых) авторов проходила гладко, в намеченном ими русле.

Пожалуй, самый яркий пример такого рода — Бруно Латур, тексты которого стали обильно переводиться и интенсивно цитироваться в России в последние несколько лет. Латур как социолог науки

Попов Сергей Павлович — канд. соц. наук, Якутский государственный университет (Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова). Научные интересы: методология социологических исследования, акторно-сетевая теория, социология массовых опросов. E-mail: s.p.popov@list.ru

[Латур, 2013] и Латур как теоретик социального мира [Латур, 2007, с. 79–96] — это в российской интерпретации два разных автора. Хотя на самом деле никакого разрыва между этими двумя латурами нет (нельзя даже сказать, что один ранний, а второй зрелый). Хуже того, латуров куда больше! [Latour, 2013]. Но российским интерпретаторам, уже сформировавшим свое представление о «правильном» Латуре [Хархордин, 2006, с. 6–56], [Хархордин, 2008, с. 243–261] [Вахштайн, 2006], [Напреенко, 2013, с. 76–97], [Кузнецов, 2010, с. 244–257], теперь остается только отстаивать свою правоту, вербовать новых сторонников и игнорировать не вписывающиеся в их представление латуровские работы.

В отличие от Латура, Джону Ло — еще одному представителю так называемого онтологического поворота в социологии — повезло больше. Его имя не стало объектом борьбы. Тем не менее, можно проследить, как формировалась репутация Ло в России. Перевод работы «Объекты и пространства» [Ло, 2006] связал его имя с социальной топологией (чем-то средним между топологией и семиотикой) [Вахштайн, 2006], позволил создать имидж отца-основателя ланкастерской ветви акторно-сетевой теории [Вахштайн, 2004]. Сегодня этот образ уже не ставится под сомнение. Как замечает другой исследователь: «Джон Ло выступает скорее в роли промоутера акторно-сетевой теории (actor-network theory, ANT), нежели ее создателя и идейного вдохновителя» [Руденко, 2012].

Имидж социального тополога сделал работы Ло востребованными в самых неожиданных областях. На него ссылаются представители гуманитарной географии [Замятин, 2010, с. 26–50], исследователи социальных сетей [Ушкин, 2013, с. 94–110] и даже специалисты по наследию П. А. Сорокина [Данилова, 2013, с. 72–75]. Сам же термин «социальная топология» начал работать как теоретическое прикрытие для исследователей самых разных объектов: государственности [Суший, 2011, с. 39–49], наукоемких технологий [Дедюлина, 2011], зала заседаний Ученого совета [Тохтобина 2011] и карьерного пространства [Посухова 2013].

Что любопытно, все российские интерпретаторы продолжают игнорировать главную книгу Джона Ло, изданную десять лет назад, «After Method. Mess in Social Science Research». (Хотя она и удостоилась упоминания в качестве «одной из пяти книг по посткритической социологии» [Вахштайн, 2012, с. 279]). Почему? Потому что Джон Ло как социолог технологий и Джон Ло как методолог социальной науки — это разные авторы? Подозреваю, что нет. Скорее, потому что в своей последней книге Ло пишет о вещах, которые далеко выходят за рамки его прежних научных интересов. Попробуем, как выражается Латур, последовать за автором и понять, куда нас приведет эта цепочка ассоциаций.

Начнем с названия. «После метода» — недвусмысленная отсылка к тексту создателя концепции методологического анархизма Пола Фейерабенда «Против метода» [Фейерабенд, 2007]. Но если Фейерабенд объявил методу войну, то Ло полагает войну уже выигранной и предлагает «двигаться дальше». Начинает он с загадочной фразы в духе Льюиса Кэролла: «Если этот мир — ужасная путаница, тогда не будет ли еще большей путаницей описывать его при помощи чего-то менее запутанного?» [Law, 2004, p. 1]. Методы наших исследований, продолжает английский социолог, достались нам в наследство спустя столетие существования социальной науки, «пытавшейся работать, исходя из предположения, что мир должен быть понят как *совокупность относительно специфичных, определенных и более или менее идентифицируемых процессов*» [Ibid., p. 5]. Тогда как на самом деле мир «отвергает любую попытку целостного упорядочивающего описания» [Ibid., p. 6].

Свой подход Ло называет методологическим романтизмом, утверждая при этом, что его воззрения не расходятся с классической социологической традицией: «...заметим, что многие видные социальные теоретики (такие, как Карл Маркс, Георг Зиммель, Макс Вебер, Георг Лукач, Джордж Герберт Мид и Вальтер Беньямин) включали в свои описания мира важные элементы философского романтизма» [Ibid., p. 8]. Под философским романтизмом Ло понимает расхожее представление: «мир сам по себе столь богат, что наши теории обречены отражать лишь часть его». Что же такое методологический романтизм? Это не просто признание частичности и парциальности любого теоретизирования, но принципиальный отказ от сухого, механического и методологизированного описания действительности [Appelbaum, 1995]. С этим же связана установка на «захватывающее письмо», стремление сделать научную литературу такой же увлекательной, как художественная [Ibid., p. 12].

Романтический подход к методологии социологических исследований кажется невероятно привлекательным эмпирикам, измученным наставлениями методологов. Ближе всех к позиции Джона Ло среди российских авторов Д. М. Рогозин. Подчеркивая несостоятельность «нормативистского» подхода к организации исследования (подхода, навязывающего в качестве методической нормы, например, последовательность шагов от формулировки программы исследования до регистрации данных), Рогозин приходит к выводу: «Любой выпускник социологического факультета, когда он попадает в реальные „поля“, замечает, что эта схема не работает... Поэтому нормативный подход был подвергнут жесточайшей критике в 90-х годах. На смену ему пришла другая традиция: не учить жизни, а наблюдать за той жизнью, которая уже есть в массовых опросах или качественных интервью» [Рогозин, 2014].

Как это ни парадоксально, Дмитрий Рогозин (вероятно, не читавший работ Джона Ло, во всяком случае, никогда на них не ссылавшийся) куда ближе британскому социологу по духу и стилю своих высказываний, чем подавляющее большинство теоретиков-интерпретаторов, пытающихся пристегнуть Ло к акторно-сетевой теории. Ло [2012] — не теоретик. Он — философ и исследователь-эмпирик. И в этом отношении с Рогозиным их роднит одна простая максима: философия должна не учить жизни полевую работу, а внимательно за ней следовать. Это прочтение Ло разительно отличается от предлагавшегося ранее теоретиками, творческое воображение которых объединяло социальную топологию Дж. Ло с работами И. Гофмана и Г. Зиммеля под шапкой «„социологического формализма", как стиля мышления» [Вахштайн, 2007, с. 23].

Однако вернемся к книге. В ней семь разделов, каждый из которых сопровождается своеобразной интерлюдией: об эмпиризме и автономии, о куновских парадигмах, об интерференциях и киборгах, о присутствии и отсутствии, о симметрии, гибридности и реальности. В жанровом отношении эти интерлюдии — яркая иллюстрация методологического романтизма в действии. Ло не вводит сложных понятий, не занимается концептуализацией действительности. Он делает наброски, отражающие современное понимание мира как сложной технологии гибридизации и взаимопроникновения. Это философская часть, к которой Ло переходит без предупреждения: иногда его переходы от методологии к философии вызывают некоторое недоумение читателя. Он легко движется от методологического романтизма к латуровским исследованиям научной практики, от них — к философии множественных миров, оттуда — к своей излюбленной теме «текучих результатов», «ускользающих объектов», «неконвенциональных форм» и проч. Видимо, непоследовательность — цена методологического романтизма как стиля мышления.

Но самое главное им сказано в начале работы. (Еще до постструктуралистского философского забега.) Методология умерла, а социология еще нет. И нужно двигаться дальше. По ту сторону теоретических интерпретаций.

Библиография

1. *Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Высшая школа экономики, 2007.*
2. *Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. № 4.*
3. *Вахштайн В. С. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.*

4. *Вахштайн В. С. Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7.*
5. *Вахштайн В. С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. М., 2006.*
6. *Данилова А. В. Подходит ли концепция социальной мобильности для изучения повседневных перемещений горожан? // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Т. 1. ГОРОД, ИЗДАТЕЛЬСТВО?????? 2013.*
7. *Дедюлина М. А. Высокие технологии и социальная топология // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. ГОРОД, ИЗДАТЕЛЬСТВО??? 2011. № 2 (25).*
8. *Замятин Д. М. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3.*
9. *Кузнецов А. Г. Медиации и бытие в философии Бруно Латура // Медиафилософия-5. Способы анализа медиареальности / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. СПб.: СПбФО, 2010.*
10. *Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Спб., 2013.*
11. *Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.*
12. *Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.*
13. *Ло Дж. Оптика опроса / пер. с англ. А. Корбута // Социология власти. 2012. № 4–5.*
14. *Напреенко И. В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. 2013. № 1–2.*
15. *Посухова О. Ю. Карьерное пространство: методологические проблемы социологического исследования // Вестник РАЕН. 2013. № 3.*
16. *Рогозин Д. М. Методы социологических обследований. Постанука. 2014 (http://postnauka.ru/video/24 445)*
17. *Руденко Н. Б. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6–7.*
18. *Суший Е. В. Социальная топология государственности: теоретико-методологический аспект // Вестник РГГУ. 2011. № 1.*
19. *Тохтобина О. Л. Публичное пространство ученого совета: опыт визуальной социологии // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2.*
20. *Ушкин С. Г. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ // Социологический журнал. 2013. № 1.*
21. *Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007.*
22. *Хархордин О. В. Латур: практики и сети // Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008.*
23. *Хархордин О. В. Предисловие научного редактора // Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006.*
24. *Appelbaum D. The Stop. N. Y.: SUNNY Press, 1995.*
25. *Latour B. An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press, 2013.*
26. *Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.*